

УДК 821.111
ББК 84(7Кан)
У63

Серия «Мастера магического реализма»

Jo Walton
TOOTH AND CLAW

Публикуется с разрешения автора
и его литературных агентов,
Donald Maass Literary Agency (США)
при содействии
Агентства Александра Корженевского (Россия)

Перевод с английского: *Владимир Беленкович*
Автор обложки и иллюстрации: *Василий Половцев*

Copyright © 2003 by Jo Walton
© Владимир Беленкович, перевод, 2020
© Василий Половцев, иллюстрация, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

ПОСВЯЩЕНИЕ, БЛАГОДАРНОСТИ И ЗАМЕЧАНИЯ

Я посвящаю эту книгу моей тетке, Мэри Лэйс, за то, что она прошла для меня по дороге, ведущей к фантазии, по этой и многим другим дорогам вместе со мной, настолько же реальным, насколько и фигуральным.

Во многом этот роман обязан книге Энтони Троллопа «Фрамлейский приход».

Я выросла на викторианских романах. Потом такие люди, как Джоан Эйкен, Джон Фаулз и Маргарет Фостер, добились чудесных результатов, написав викторианские романы на современный лад, вкладывая в них то, что оставалось за пределами классических текстов той эпохи. В результате получилось нечто очень интересное, но не викторианский роман. Следует признать, что некоторое количество ключевых аксиом викторианского романа неверны. Люди в жизни не такие. Особенно женщины не такие. Эта книга была написана как ответ на вопрос, каким был бы мир, если бы они все же были такими, если

бы аксиомы сентиментального викторианского романа были бы неизбежны, как законы биологии.

Я бы хотела поблагодарить Патрика Нильсена Хейдена за то, что он принял роман, довольно отличный от того, что ожидал получить; Дэйвида Гольдфарба, Мэри Лэйс и Эммета О'Брайена — за то, что читали его по мере написания и делали полезные комментарии; Сашу Уолтона — за то, что нарисовал мне очень полезную картинку, делал бесконечные предположения, некоторые — очень дельные, и был терпелив (опять) во время написания романа; а также Элеонор Дж. Эванс, Джанет Кегг, Катрин Лето, Сару Монетт, Сьюзан Рамирез и Вики Розенцвейг за чтение первых вариантов этой книги.

Я бы также хотела поблагодарить библиотеки Уэстмаунт и Этуотер за их отличную коллекцию Троллопа и за список рассылки Trollope-1, а особенно Эллен Муди за обсуждения, породившие немало мыслей. Благодарности также полагаются Элизе Маттизен за мое прекрасное ожерелье «Исполненные разума драконы», а также моему партнеру Эммету О'Брайену за любовь и восхищение во время работы. Без всего этого роман не был бы написан.

Жизнь, смерть, начало и конец.
И Духа нет, но есть дыханье.
Погибнет всякое созданье.
Вот всё. — А человек, венец

Творения, кто путь к вершине
Себе наметил, кто ветрам
Читал псалмы и хрупкий храм
Построил для своей святыни,

И верил, что Любовь от Бога,
Она — закон его, хотя
Природы алый клык и коготь
С сим кредо спорят не шутя,

Кто жаждал истину найти,
Любил и с тысячей страстей
Сразился, — станет горсть костей,

И только? Прах в твоей горсти?
Так кто ж он — недоразуменье?
Фантом? Чудовище, каких
Не знают толщи недр земных,
Ошибка жалкая творенья?¹

Альфред, лорд Теннисон
из «In Memoriam А. Н. Н.», 1850

Я полагаю, моя мать хотела бы женить меня на какой-нибудь драконице. Так бы, право, и сделал это, чтобы ей самой житья в доме не было от этого созданья. Вот поделом бы ей было!

Энтони Троллоп, Фрамлейский приход, 1859

¹ Перевод Татьяны Стамовой.

I. СМЕРТЬ БОНА АГОРНИНА

1. Признание

На смертном одре Бон Агорнин корчился и бил крыльями так, будто собирался улететь к новой жизни в старом теле. Доктора покачали головами и ушли. Даже его дочери перестали говорить, что он скоро поправится. Он преклонил голову на золото, рассыпанное на полу большой, продуваемой сквозняками нижней пещеры, стараясь не двигаться и дышать ровно. У него оставалось совсем немного времени, чтобы еще как-то повлиять на то, что произойдет после его смерти. Возможно, остался час, но может быть, и меньше. Он был бы уже рад покинуть страдающую плоть, но хотел уменьшить бремя сожалений о содеянном.

Он застонал, повернулся на подстилке из золота и постарался настроиться на хорошие мысли о делах минувших дней своих. Церковь учит, что не крылья и не огненное дыхание обещают удачное перерождение, а скорее невинность и спокойствие духа. Он стремился к этому благоприятному душевному покою, но достичь его было непросто.

— Что не так, Отец? — спросил, приблизившись, его сын Пенн. Увидев, что Бон затих, он осторожно прикоснулся когтем к его плечу.

Пенн Агорнин (или, правильнее, Преподобный Пенн Агорнин, поскольку молодой Пенн уже принял сан) полагал, что знает, что именно тревожит отца. Он служил не при одном смертном одре по долгу своего призвания, и был рад оказаться здесь, чтобы облегчить уход собственного родителя и избавить того от присутствия постороннего дракона в такой момент. Местный священник, Преподобный Фрелт, никоим образом не был отцовским другом. Годами между ними тлела тихая вражда такого свойства, какое Пенн находил неподобающим для священника.

— Успокойтесь, отец, — сказал он. — Вы прожили хорошую жизнь. В самом деле, трудно представить того, у кого было бы меньше поводов для печали на смертном одре. — Пенн души не чаял в своем отце. — Получив в наследство немногим более чем благородное имя, вы стали семидесяти футов в длину, обрели крылья и огненное дыхание, великолепный достаток и уважение всей округи. Пятеро ваших детей дожили до сих дней. Я теперь с Церковью, а значит — в безопасности.

Он поднял крыло, перевязанное красным шнуром, который для верующих символизировал посвящение дракона богам и драконьему роду, а для всех остальных был просто знаком неприкосновенности дракона.

— Беренда удачно вышла замуж и родила детей, ее муж — могущественный Сиятельный Лорд. Эйван прокладывает себе путь в столице, в Ириете. Он выбрал, возможно, самый каверзный путь, но у него влиятельные друзья, и он уже преуспел, как и вы. Что же касается двух

других, Эйнар и Селендры, хотя они молоды и уязвимы, не волнуйтесь за них. Беренда возьмет Эйнар к себе до тех пор, пока не найдется хороший муж, который защитит ее, а я сделаю то же для Селендры.

Бон осторожно вдохнул, а затем выдохнул небольшой клуб огня и дыма. Пенн ловко отскочил в сторону.

— Вы все должны придерживаться моих наставлений,— сказал Бон.— Младшие еще не обзавелись своим хозяйством, поэтому должны получить мое золото, сколько уж его есть. Вы с Берендой уже начали копить сокровища, поэтому возьмите только символическую долю наследства, а остальные трое пусть поделают поровну то небольшое, что останется от меня. Много я не скопил, но этого будет достаточно, чтобы помочь им.

— Мы уже решили это, Отец,— сказал Пенн.— И конечно, они получают больше нашего, когда мы будем вас есть. Беренда и я устроены, а брат и другие сестры все еще нуждаются.

— Вы всегда были образцом в том, что касается отношений между братьями и сестрами,— сказал Бон и выдохнул еще дыма.— Я хочу исповедаться, Пенн, прежде, чем умру. Примешь ли ты мою исповедь?

Пенн отпрянул, плотно обхватив себя крыльями.

— Отец, ты знаешь учение Церкви. Три тысячи лет, шесть драконьих жизней, миновало с тех пор, как исповедь перестала быть таинством Церкви. Она смердит Временем Порабощения и язычеством Яргов.

Бон закатил огромные золотые глаза. Иногда его собственный сын, так пекущийся о благопристойности, казался ему чужаком. Пенн никогда бы не вынес то, что выпало на долю отца, просто не выжил бы.

— Может, тебя и учили шесть драконьих жизней подряд, но в годы моей юности еще были жрецы, которые давали отпущение тем, кто нуждался в нем. Это уже при моей и твоей жизни прощение грехов само стало грехом. Неправильно было позволять платить за отпущение грехов, а облегчать тяготы тех, кто грешил, это правильно. Ритуал отпущения все еще есть в нашем молитвеннике. Я знаю, Фрелт отказал бы мне в этом, просто по злобе своей, но я подумал, может, у тебя хватит духу сделать это.

— И все же это грех, Отец, так же строго порицаемый Церковью, как и полеты жрецов.— Пенн снова выгнул спутанные крылья.— Это не религиозный догмат, правда. Это практика, которая сложилась по прошествии долгого времени. Исповедь считается теперь мерзостью. Я никак не могу дать тебе отпущение грехов. Если кто-то узнает об этом, я потеряю место. Кроме того, моя совесть не позволит мне сделать это.

Бон снова пошевелился и почувствовал, как чешуя осыпается с его тела на золото подстилки. Оставалось совсем немного, и ему было страшно.

— Я не прошу тебя об отпущении грехов, раз ты не можешь его дать. Я просто думаю, что мне будет легче умирать, если я не унесу с собой этот секрет.— Даже ему самому казалось, что голос его звучит слабо.

— Ты можешь рассказать мне все, что хочешь, дорогой Отец,— сказал Пенн, придвигаясь ближе.— Но ты не можешь называть это исповедью или говорить, что ты делаешь это, потому что я — священник. Если об этом станет известно, мое служение подвергнется опасности.

Бон взглянул на красные шнуры на крыльях сына, вспоминая, сколько он заплатил, чтобы того приняли в Церковь, и как чудесно изменилась его судьба с тех пор.

— Разве не прекрасно, что твоему другу детства Шеру удалось достичь таких высот? — сказал он. После этого он почувствовал, как в легких разливается боль, и захотел кашлянуть, но не решился. Пенн вдохнул, чтобы ответить, но передумал, потихоньку выдыхая из ноздрей и молча наблюдая, как корчится его отец. Маленький Шер, когда-то его одноклассник, стал Благородным Шером Бенанди, повелителем собственного удела, а Пенн был его приходским священником с собственным домом, женой и детьми.

— У драконов принято есть друг друга, — сказал наконец Бон.

— В наше время... — начал Пенн.

— Ты знаешь, что я единственный, кто выжил в моей семье, единственный среди сестер и братьев, кому удалось вырастить крылья, — продолжал Бон, прерывая сына. — Ты думал, что это Высокородный Телсти съел остальных или его жена — Высокородна Телсти? Да, кое-кого съели они, камнем падая с неба, чтобы пожрать слабаков, но меня они всегда оставляли в живых, потому что я был самый старший и самый крепкий. Они строго придерживались учения Церкви о том, что, поедая слабых, они улучшают драконью природу, а ко мне были даже добры. Но я не простил их за то, что они съели моего отца, моих сестер и братьев. Хотя и притворялся их другом и другом их детей, потому что моя мать была недостаточно сильна, чтобы защитить меня и не дать им съесть всех, если им так вздумается. Они забрали золото

моего отца, и у нас не было ничего, кроме нашего имени. Когда нас осталось только трое, мои крылья начали расти, и, хотя я дорос тогда только до семи футов, я был готов покинуть дом в поисках удачи, пусть последствия могли быть гибельными. Мне нужны были размер и сила, которых не обретешь, питаясь говядиной. И я съел оставшихся у меня брата и сестру.

Пенн, оцепенев, лежал рядом с умирающим отцом, потрясенный тем, что сказал старый дракон, больше, чем он мог вообразить.

— Сохраню ли я целостность после смерти? — спросил Бон. — Падет ли мой дух, как пепел от пламени, как учит нас Церковь? Или я возрожусь бараном, чтобы стать жертвой чьего-то голода, или хуже того, червем ползучим, или паскудным бескрылым Ярго́м? — Он поймал взгляд сына, и Пенн, как громом пораженный, не мог отвести глаз. — С тех пор, как ты и сказал, я жил праведной жизнью. Я не раз горько пожалел о том, что сделал, но я был юн и голоден, и никто не помог мне, когда пришла пора улетать из гнезда.

Чешуя облетала с Бона с размеренным постукиванием. Выдыхал он больше дыма, чем воздуха. Глаза начали тускнеть. Пенн был священником и свидетельствовал множество смертей. Он знал, что остались считанные минуты. Он расправил крылья и приступил к последней молитве.

— Теперь улетай с Вельдом, свободно переродись под присмотром Камрана... — Но в горло ему попал дым, и продолжить он не смог. Однажды он со смешанным чувством восхищения и ужаса прочитал старый ритуал отпущения грехов; отец был прав — тот все еще печатался

в молитвеннике. Его отец нуждался в отпущении грехов, чтобы продолжить свой путь с чистой совестью. Пенн был обычным молодым драконом и священником, но он любил своего отца.

— Это просто обычай, никакой теологии в этом нет, — пробормотал он. Он поднял свои когти перед глазами отца так, чтобы тот мог их видеть.

— Я услышал твою... — заколебался он на мгновение, слово это казалось таким ужасным. Можно ли назвать это как-то еще? Нет, никакое другое слово не даст отцу утешение и отпущение, в которых он нуждался, — твою исповедь, Досточтимый Бон Агорнин, и я отпускаю твои грехи и прощаю тебя во имя Камрана, во имя Джурале, во имя Вельда.

Глубоко в угасающих глазах отца он увидел улыбку, которую сменил покой, а затем, как обычно, глубочайшее изумление. Пенн столько раз видел это, но так и не смог привыкнуть. Он часто гадал, что же такое ожидает за воротами смерти, что, как бы ни готовился к ней дракон, это последнее видение всегда его изумляет. Он выждал предписанное время, повторив последнюю молитву трижды на тот случай, если глаза опять начнут вращаться. Как и всегда, чуда не случилось, смерть оказалась смертью. Он бережно протянул коготь, извлек и съел оба глаза, как положено было священнику. Только после этого он воззвал к своим братьям и сестрам ритуальным кличем:

— Добрый дракон Бон Агорнин начал путешествие к свету, собирайте семью для поминального пира.

Он не чувствовал ни печали, ни стыда оттого, что пошел против учения Церкви и отпустил грехи своему отцу, или ужаса оттого, что отец сделал. Он не чувствовал